

Новому императору династии Даянь по имени Хэ Чжао было всего 20 лет, он занимает престол всего три месяца, но его хоть и недолгое, но кровавое правление уже заставило всех трепетать.

После сегодняшних политических дел Хэ Чжао, читая и выпивая в перерывах между делами, вспомнил, что сын одного из его министров утверждал, что беременный от него.

Во время вчерашней казни Хэ Чжао играл сам с собой в шахматы в своей опочивальне.

В этот самый момент к Хэ Чжао рысью прибежал обычно невозмутимый старший евнух Янь Цин и даже споткнулся торопясь.

«Ваше величество, во время суда что-то случилось, судья-надзиратель находится снаружи и просит указаний вашего величества», - доложил Янь Цин.

Хэ Чжао нетерпеливо нахмурился: «Такое пустяковое дело, как суд и обезглавливание, пришло беспокоить и меня?»

Янь Цин засомневался: «Ваше Величество, среди заключенных, которых должны были казнить сегодня, есть один по имени Цяо Хуэй, он единственный сын министра общественных работ Цяо Шэна. Перед всей толпой он крикнул, что беременный императорским сыном от Его Величества, поэтому надзирающий судья не посмел самовольничать и немедленно отправился во дворец на аудиенцию».

Хэ Чжао потер обсидиановую шахматную фигуру в руке и приподнял одну бровь: «Единственный сын Министра общественных работ? Этот человек ведь мужчина, верно?».

Янь Цин склонил голову: «Да, Ваше величество».

«Хех», - Хэ Чжао поставил шахматную фигуру на стол: «Скажи мне лучше, как мужчина может вынашивать плод?»

На лбу Янь Цина выступили капельки пота: «Насколько я знаю, этот Цяо Хуэй, похоже, перепугался в тюрьме, сошел с ума и несет бред».

«Сошел с ума?»

Хэ Чжао потер пальцами подбородок.

С тех пор как он захватил трон, вдовствующая императрица убеждала Хэ Чжао взять себе супругу и наложниц, чтобы как можно скорее распространить свою династию. Но Хэ Чжао не интересовался этим вопросом, и не хотел создавать себе проблем.

Когда он был еще третьим принцем, то под предлогом того, что учеба для мужчины должна быть важнее всего, отказал вдовствующей императрице в наложнице. В результате сейчас его гарем был пуст.

Действительно, невероятно, чтобы мужчина был беременным. Однако в народе ходили разные слухи, и некоторые из них очень убедительны, а в некоторых землях на юге даже есть те, кто берут в супруги мужчин.

Янь Цин посмотрел на его величество, который пребывал в глубокой задумчивости, подождал некоторое время, прошептал предложение: «Думаю, этот человек просто несет бред, этот слуга вернется в зал и передаст, чтобы и дальше продолжали казнь».

«Нет.»

Хэ Чжао поднял руку, останавливая Янь Цина.

«Раз уж он сказал, что беременный от меня, то забирай его и вези во дворец». Хэ Чжао холодно фыркнул: «Я бы хотел посмотреть, как он будет рожать. Если он не сможет родить, то его казнят через Линчи».

Янь Цин был шокирован и надолго застыл на месте, прежде чем склонить голову и ответить: «Да».

Хэ Чжао решил привезти Цяо Си только для того, чтобы выступить против вдовствующей императрицы, и в душе посмеивался над тем, что тот утверждает, будто беременный императорским сыном.

Однако, прибыв во дворец Циюнь и увидев Цяо Си своими глазами, Хэ Чжао все же проявил некоторый интерес.

Этому человеку на вид было всего восемнадцать лет, юный и нежный, тонкий и стройный, стоящий на коленях на полу в небольшой группе, сбоку от него были дворцовые служанки.

И такой маленький человек обладал удивительно большой смелостью, раз даже осмелился тайком поднять глаза, чтобы посмотреть на него.

Глаза у этого человека двигались очень быстро, подглядывание очевидно до крайности, но он все равно прятал голову, выглядя глупо.

Неужели он и вправду дурак, раз даже не испугался?

«Встань».

Цяо Си услышал это и тут же встал.

Но это тело уже несколько дней мучилось в тюрьме Министерства юстиции, не ело с тех пор, как вчера вышел из суда, и уже собиралось поесть сейчас, но его снова потревожил Его Величество Император.

От голода и усталости у Цяо Си потемнело в глазах, он пошатнулся, и он едва не потерял манеры поведения в присутствии императора.

Вдруг большая рука обхватила Цяо Си за талию, удерживая его на месте.

Когда Цяо Си ясно увидел перед собой красивое, но свирепое лицо Хэ Чжао, он был слишком напуган, чтобы говорить.

Сразу же после этого другая рука коснулась живота Цяо Си.

Тело Цяо Си задрожало: «Ваше Величество, Ваше Величество».

Его панический и испуганный вид напомнил Хэ Чжао какого-то маленького пушистого зверька. Его глаза были большими и круглыми, сверкающими наивным светом, щеки почему-то были окрашены в слабо-розовый цвет, и казалось, что он вот-вот заплачет в любой момент.

Поэтому у Хэ Чжао не могла не возникнуть дурная мысль поддразнить его.

Хэ Чжао улыбнулся, но улыбка не достигла дна его глаз: «Что, мне запрещено прикасаться к своему императорскому сыну?»

Цяо Си выругался про себя: «Собачий император!»

Он не мог понять, почему этот Его Величество поверил в такую убогую ложь, вернее, он сам в нее не верил, но почему-то не попросил его наказать и даже призвал во дворец. В этот момент он даже не знал, какое из мозговых извилин у него повреждено, и с готовностью вошел в роль потенциального отца.

Цяо Си уже собирался открыть рот, чтобы заговорить, но по стечению обстоятельств его желудок, проголодавшийся за целый день, не выдержал и издал сотрясающий воздух звук.

Цяо Си мгновенно покраснел.

Хэ Чжао дважды погладил рукой плоский живот Цяо Си и спросил: «Что случилось?».

Раз уж ты хочешь быть бесстыжим, то не вини меня за то, что я тоже буду таким!

Сердце Цяо Си екнуло, и он, моргнув своими большими безобидными глазами, послушно ответил: «Это ваш сын приветствует вас, Ваше Величество».

Теперь настала очередь Хэ Чжао потерять дар речи.

Хэ Чжао: «.....»

Цяо Си с невинным видом похлопал ресницами.

После минутного молчания Хэ Чжао отпустил Цяо Си и одним шагом вошел в главный зал.

«Раз вы уже собирались ужинать, похоже, я пришел в нужное время». Хэ Чжао увидел на столе еду, повернулся к Янь Цину и приказал: «Иди и попроси императорскую кухню приготовить еще два блюда, сегодня я буду ужинать во дворце Циюнь».

Янь Цин принял приказ и отправился приказывать маленькому евнуху, выполнявшему поручения, сообщить об этом в императорскую кухню.

Цяо Си стоял в стороне и не мог удержаться от того, чтобы не разинуть рот.

Император не обычен. Он более толстокожий, чем обычные люди. Он мешает другим нормально поесть и еще имеет лицо, чтобы сказать, что сейчас самое подходящее время для таких слов.

Подняв глаза и увидев стоящего сбоку Цяо Си, Хэ Чжао указал на противоположное кресло: «Садись».

«О.» Цяо Си не стал противиться и сел прямо, даже не сказав ни слова благодарности.

Янь Цин не мог не взглянуть на Цяо Си, внутренне обливаясь холодным потом.

Однако сегодня Хэ Чжао, похоже, был в хорошем настроении, и его не волновала мелкая грубость Цяо Си.

Еда в императорской кухне всегда должна быть приготовлена и быть горячей, ожидая, пока император захочет, чтобы ее подали на стол. Поэтому маленький евнух в мгновение ока вернулся во дворец Циюнь с несколькими блюдами.

Маленький евнух передал блюда Яньсюэ у дверей дворца Цюйюнь и позволил ей внести их в

дом.

«Сколько тебе лет?»,- сидя за столом, Хэ Яо с интересом спросил Цяо Си.

Цяо Си задумался над тем, что написано в книге, и ответил: «Восемнадцать».

«Ты встречал меня раньше?»,- Хэ Чжао внимательно следил за выражением лица Цяо Си.

Этот вопрос явно был проверкой.

На самом деле в проверке не было никакой необходимости, в душе они знали, что вопрос о беременности - ложь.

Когда он услышал о приходе Его Величества, Цяо Си уже просчитал в уме свой ответ. Если подумать, то притворяться дураком - самый верный способ.

Во-первых, потому, что новость о его безумии и глупости широко распространилась среди общественности, и Его Величество, должно быть, уже давно слышал об этом.

Второе - естественно, сумасшедший дурак будет снижать бдительность окружающих, делать много вещей, выходящих за рамки обычного. Это действительно удобно.

Поэтому Цяо Си энергично кивнул, пытаясь изобразить наивность и глупость: «Я встречал, его величество обнял меня и поцеловал».

Глаза Хэ Чжао стали глубокими: «О? И куда же я тебя поцеловал?»

Лицо Цяо Си покраснело, он показал на свой рот: «Здесь».

Услышав это, улыбка в уголках рта Хэ Чжао стала еще глубже.

Как раз в это время, подавая блюда у Яньсюэ возникла какая-то проблема, посуда соскользнула с подноса и горячая еда прямо вылилась на Хэ Чжао.

Хэ Чжао быстро среагировал, тут же оттолкнулся от стола и вскочил, чтобы не попасть под горячие брызги, но драконья мантия все равно неизбежно испачкалась.

«Дерзкая слуга!»,- воскликнул Янь Цин.

«Ваше Величество, пощадите нашу жизнь!»

Дворцовые слуги, ожидавшие в зале, в мгновение ока повалились на колени.

Неподвижными остались только Хэ Чжао, старший евнух Янь Цин и Цяо Си.

Лицо Хэ Чжао было крайне мрачным, брови сурово сведены, в глазах плескался тиранический гнев, но только благодаря достоинству императора он не вспыхнул на месте.

Яньсюэ была так напугана, что дрожала всем телом, заикаясь и умоляя: «Эта слуга заслуживает смерти, эта слуга заслуживает смерти! Ваше величество успокойте свой гнев!»

Хэ Чжао молчал.

Янь Цин тут же вышел вперед и стал требовать: «Как ты прислуживаешь, если не можешь даже подать тарелки, да еще смеешь брызгать на его величество!»

Яньсюэ опустилась на колени и объяснила: «Это из-за того, что тарелки были слишком тяжелыми, а ободок подноса низким, эта слуга впервые прислуживала его величеству, ее сердце было взволновано, и поэтому».

«Ты еще смеешь спорить!», - Янь Цин остановил ее: «Эта еда была невероятно горячей, если она действительно прольется на Его Величество, ты повредишь тело дракона, отрубить тебе голову будет уместно».

Услышав слова Янь Цина о том, что ей могут отрубить голову, Яньсюэ, которая была всего лишь пятнадцатилетней девочкой, до смерти испугалась и разрыдалась.

Хэ Чжао не выдержал этого шума, сжал переносицу, сдержал гнев и заявил: «Отведите ее вниз и выпорите».

Яньсюэ была потрясена, стала кланяться и умолять: «Ваше величество, простите меня, эта слуга не хочет умирать!»

Янь Цин кивнул двум маленьким евнухам, стоявшим рядом с ним, и они шагнули вперед, один слева, другой справа, чтобы схватить Яньсюэ, собираясь потащить ее вниз для казни.

Все это предстало перед глазами Цяо Си, и его сердце сжалось от этого. Яньсюэ выглядела как старшеклассница, просто в древние времена.

Он вспомнил девочку из своего класса, которая дала ему прочитать эту книгу: она носила очки, с хвостиком сзади, глаза у нее были круглые, говорила она всегда робко, и только когда говорила о книгах, у нее появлялось одухотворенное выражение лица.

«Учитель, посмотрите на эту книгу, в нем есть персонаж с таким же именем, как у вас! В нашем кругу есть поговорка: если ты встречаешь персонажа с таким же именем и фамилией, ты должен запомнить этот роман на случай, если однажды ты попадешь в эту книгу, и тогда будешь подготовлен».

Внешность и застенчивость Яньсюэ напоминали ту девушку.

Крики Яньсюэ становились все более жалкими, и ее уже собирались вытащить из дома.

«Ваше величество!», - неожиданно произнес Цяо Си, схватившись за край рукава широкого халата Хэ Чжао.

Гнев Хэ Чжао еще не улегся, и в его глазах по-прежнему была холодная суровость, когда он взглянул на Цяо Си.

В душе Цяо Си проклинал его как тирана, но внешне он был слишком хорош, чтобы быть правдой, и осторожно сказал: «Она такая несчастная, не убивайте ее!»

«Ты хочешь заступиться за нее?», - Хэ Чжао был нетерпелив.

Цяо Си коснулся своего живота, он был плоским, и там ничего не было, но он притворялся, что делает вид, что это не так, это называется большой актерской игрой.

«Сын императора в моем животе сказал мне, что не хочет, чтобы кто-то погиб, поэтому давайте не будем ее убивать, хорошо, ваше величество?»

Глядя на совершенно безумный вид Цяо Си, в сердце Хэ Чжао внезапно поднялась волна раздражения.

Ему показалось, что видимо и он сам сошел с ума, раз этот глупец был ему даже немного симпатичен. Это было действительно нелепо.

«Ну что ж, раз мой императорский сын так хочет, давайте сохраним ей жизнь», - заговорил Хэ Чжао.

Услышав это, Янь Цин поспешно отменил действия маленьких евнухов.

Хэ Чжао шаг за шагом приблизился к Цяо Си, загоняя его в угол, протянул руку и сжал его подбородок, заставляя смотреть вверх.

«Но я запомню это, дождемся рождения принца, и тогда умрешь ты или выживешь будет

зависеть от него».

Голос Хэ Чжао был низким и опасным.

Цяо Си затаил дыхание, продолжая вести себя глупо: «Хорошо, обещание есть обещание».

На самом же деле он напрягся, а его сердце забилося. Хэ Чжао достоин быть назначенным автором тираном, его слишком красивое лицо крайне агрессивно, а тело наполнено свирепой аурой, напитанной кровью, которая пугает.

Сказав это, Хэ Чжао потерял интерес к еде, взмахнул рукавами и ушел из дворца Циюнь, в сопровождении своих людей.

Спасаясь от беды Яньсюэ опустилась на колени и поклонилась Цяо Си: «Молодой господин, вы оказали большую доброту, но эта слуга не в силах отплатить за нее».

Цинсюэ тоже встала на колени рядом с ней и поклонилась: «Спасибо, что спасли мою сестру! В будущем мы, сестры, клянемся отплатить вам за вашу великую доброту».

Это дело не имело никакого отношения к Ань Хэ, но тот тоже встал на колени.

После этого случая впечатление Ань Хэ о Цяо Си резко изменилось.

Этот господин Цяо, иногда скучный и глупый, иногда умный, все равно был способен всеми силами защищать подчиненных ему людей. Ань Хэ понял, что это редкий и хороший мастер.

Цяо Си тоже испытал шок, но немного успокоился: «Ребята, вставайте, не надо стоять на коленях и кланяться мне, я к этому не привык».

Все трое встали.

Глядя на плачущую Яньсюэ, Цяо Си не мог не сказать об одном: «В будущем тебе нужно быть внимательнее на службе, я не могу спасти тебя каждый раз».

Яньсюэ поспешно закивала: «Да, эта служанка будет следовать наставлениям».

Опасность миновала, и на этом бедствие считалось исчерпанным.

В течение следующих трех дней Хэ Чжао больше не приходил во дворец Циюнь. Но вместо этого пришел кто-то из дворца Чанлэ и сообщил Цяо Си, что вдовствующая императрица хочет его видеть.

<http://bllate.org/book/14649/1300653>